

..столь превосходно осмѣляны. Съ начальниками: да-съ, да нѣтъ-съ; поклоны по Табели о рангахъ; сохрани Богъ—вздернуть носъ передъ старшимъ! Только и ума—ходить, да выходить изъ Канцеляріи; исполнять въ точности свою обязанность; почитать приказанія начальниковъ, какъ десять Моисеевыхъ заповѣдей! Словомъ: ходячая выписка изъ законовъ; воплощенный Генеральный Регламенты!

Должно, однакожь, сказать правду, что этотъ смѣшной оригиналъ служилъ всегда честно и прилежно; съ постояннымъ вниманіемъ предъ начальниками, но и съ непоколебимымъ благородствомъ въ душѣ; былъ скромень, но не подлъ; терпѣлъ крайнюю во всемъ нужду, но не запятналъ себя ни однимъ несправедливымъ дѣломъ. Если бы Исторія отмѣчала на своихъ листахъ скорѣе подвиги скромной добродѣтели, чѣмъ шумной славы: то сколько прекрасныхъ поступковъ самоотвер-

женія мы увидѣли бы въ осмѣянномъ чиновническомъ мірѣ!

Бѣдный труженикъ долженъ былъ болѣе думать о кускѣ хлѣба, чѣмъ о сынѣ. Отдавъ Евгенія въ Гимназію, онъ не имѣлъ времени и возможности наблюдать за ходомъ ученія; смотрѣлъ за однимъ: за исполненіемъ обязанностей религіи. Евгеній долженъ былъ не только каждый праздникъ, но и каждое воскресенье ходить къ заутрени, бывать въ церкви во всю Страстную недѣлю, непременно посѣтиться каждый Великій постъ. Съ какимъ восхищеніемъ Евгеній встрѣчалъ Пасху! Когда растворялись церковныя двери, и клиръ возглашалъ: «Христосъ воскрес!» въ эти торжественныя минуты, восхищенному воображенію дитяти казалось, что чистые духи и люди, небо и земля, сливались въ одно цѣлое, чтобы славить воскресшаго. Тутъ примѣшивались и дѣтскія чувства. Евгеній всегда, бывало, за-

ботился, перейдутъ ли священники въ лѣтнюю церковь. Нѣсколько десятковъ лѣтъ, пролетѣвшихъ надъ его головою, унесли съ собою чудесный восторгъ младенчества, незамѣнимый никакими наслажденіями. Много разъ приходила потомъ Пасха, но сердце его уже было затворено для прежнихъ ощущеній!

Судьбинъ послѣ сороколѣтнихъ трудовъ, едва добившись Ассессорскаго мѣста, былъ командированъ по селеніямъ. Евгений повѣхалъ съ нимъ.

Между тѣмъ, въ Иркутскѣ происходила одна изъ тѣхъ чернильных Пуническихъ войнъ, которыми наполнены лѣтописи присутственныхъ мѣстъ въ отдаленныхъ провинціяхъ. Воевали двѣ сильныя сосѣдственныя державы: Казенная Палата и Губернское Правленіе. Островомъ Сициліи былъ питейный откупъ.

Вѣкъ брани былъ для Казенной Палаты золотымъ вѣкомъ просвѣщенія: въ мо-

лодыхъ канцелярскихъ чиновникахъ пробудилась любовь къ наукамъ; составили литературное общество; занимались Грамматикою, Риторикою, Поэзіею, даже Философіею. Правду сказать, большая часть изъ философовъ были послѣдователями школы Эпикурейской, но были и стоики, какъ, напримѣръ, безсмертный Илья Маркеловичъ.

Съ умомъ образованнымъ, съ чувствомъ честнаго и благороднаго человѣка, съ поведеніемъ до тридцати лѣтъ цѣломудреннымъ, Илья Маркеловичъ соединялъ твердость характера, достойную времени Камилла и Цинцината. Нельзя вспомнить безъ глубокаго уваженія, какъ презрѣвъ блескъ и величіе секретарскаго сана, великій мужъ не восхотѣлъ возсѣсть во святилищѣ присутствія, единственно потому, что не рѣшался скинуть своего длиннаго, засаленного сюртука, въ которомъ, бывало, такъ мѣрно и важно рас-

хаживалъ по канцелярской каморѣ. Съ качествами философа, Илья Маркеловичъ соединялъ и способности отличнаго дѣльца. Безмѣрное усердіе его къ службѣ возрастало съ жаромъ битвы; наконецъ, новый Курцій погрязъ въ безднѣ выписокъ и справокъ, журналовъ и протоколовъ. Лютая чахотка похитила великаго мужа во цвѣтѣ лѣтъ, и мы не знаемъ, *гдѣ даже прахъ его сокрытъ!*

Странствующій Ассессоръ собственно не принадлежалъ никакой партіи, но служа въ Казенной Палатѣ, по необходимости кружился въ общей смутѣ съ товарищами. Пѣздка его была предметомъ постоянной рекогносцировки со стороны не-пріятельской: неутомимые соглядатаи слѣдили по его плтамъ, и съ нетерпѣніемъ выискивали случая обвинить его въ какомъ-нибудь дѣйствиіи, противномъ закону.

Ассессоръ долженъ былъ захватить въ ко-

чевья *Аларскихъ* Братскихъ, въ Иркутскомъ уѣздѣ. При въѣздѣ въ улусъ, Евгений увидѣлъ новый бытъ, совершенно новую черту въ разнообразной картинѣ человека. Отъ фizioноміи до вѣрованія, тутъ было все другое. Обломки великаго народа, нѣкогда потрясавшаго всю Азію и едва не всю Европу, сидѣли, поджавъ ноги, кружками передъ юртами, запачканные и полунагіе, спустивши съ плечъ овчинныя шубы. У каждаго была во рту коротенькая деревянная трубка съ табакомъ, единственное наслажденіе Бурятъ; сплюснутые носы, большія скулы, узкіе глаза—отличительныя черты ихъ фizioноміи.

Былъ Августъ, лучшее время Сибирскаго лѣта; день ясный, теплый; воздухъ самый пріятный для дыханія. Буряты дѣлали кейфъ. Потерявъ исторію, они ограничиваются однѣми потребностями настоящаго; для нихъ нѣтъ ни минув-

шаго, ни будущаго. Вотъ почему Исторія есть въ нѣкоторомъ смыслѣ священная книга народовъ!

Пріѣздъ Ассессора возмутилъ весь улусъ. На козлахъ повозки сидѣлъ казакъ: символъ высокаго званія. Молва тотчасъ проникла до резиденціи *Тайши*, наслѣдственнаго начальника Бурятъ. Тайша былъ умный и добрый старикъ; Русскіе называли его *Василій Баимычъ*. Первое слово Василія Баимыча къ Ассессору: какой шинь? какой классъ? Пораженный важностію Ассессорскаго сана, Василій Баимычъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы заколотъ барана, приготовить кирпичнаго чаю, забѣленнаго затураномъ (*), и въ довершеніе всего штофъ кизлярской водки. Самое смѣлое Бурятское воображеніе не могло бы придумать большей роскоши!

Между Иркутскими Бурятами распро-

(*) Мука, поджаренная на коровьемъ маслѣ.

странядась Шигемоніанская вѣра, отрасль Будизма. Смѣшно и жалко было смотрѣть, какъ добрый старикъ, Василій Баимычъ, выносилъ, на лысой головѣ съ набожною миною, свертокъ бумаги, на которомъ въ самомъ комическомъ положеніи былъ изображенъ плохою Катайскою живописью уродецъ Шигемони. Тайша приложился къ карикатурѣ своего бога съ величайшимъ благоговѣніемъ; но вдругъ, посреди восторговъ набожности и умиленія, страшный шумъ и крикъ поразили его слухъ: изволилъ пріѣхать Засѣдатель Земскаго Суда, Спиридонъ Ивановичъ, страхъ и трепетъ уѣзда. Тайша съ испугу пѣхнулъ подъ лавку священную особу Шигемони. Вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, но уже съ краснымъ носомъ. Тайша едва не вноги ему поклонился. «Здравствуй Баимычъ,» — сказалъ Засѣдатель грубымъ, охриплымъ голосомъ — Каково живешь? Пуншу!» Увидѣвъ Ассессора

Спиридонъ Ивановичъ нѣсколько смутился. «Виновать, Иванъ Петровичъ! я не думалъ васъ здѣсь встрѣтить. Какъ вы путешествуете? Я всегда имѣю обыкновеніе съ дороги пуншу: знаете, потогонительное средство. Ну что сталъ, Баимычъ? Горячая вода есть? шевелись.»

Баимычъ, оправившись нѣсколько, вспомнилъ о несчастномъ Шигемони, и хотѣлъ поднять его изъ подъ лавки.

«Это что за гадина? вскричалъ съ хохотомъ Засѣдатель.

— Это, бачка, нашъ богъ, Шигемони,» проговорилъ съ ужасомъ Тайша, пораженный дерзостію святотатства.

«Богъ? — повторилъ засѣдатель, заливаясь отъ глупаго смѣха — эта образина богъ? Хо, хо, хо! Развѣ чортъ!»

Тайша едва не упалъ въ обморокъ. Между тѣмъ казаки хлопотали о горячей водѣ. Пуншъ былъ принесенъ въ большой оловянной мискѣ. Засѣдатель

съ внутреннимъ самодовольствіемъ началъ наливать его въ стаканы.

« Милости просимъ, Иванъ Петровичъ! Баимычъ, пей! А что Шилемони твой не пьетъ? »

— Никакъ нѣтъ-съ, бачка, Ваше Благо-родіе! — отвѣчалъ Тайша, со слезами досады и огорченія на глазахъ.

« Худо, братъ! — продолжалъ Засѣдатель, втягивая въ себя пуншъ большими глотками. — Худо! Славная вещь пуншъ послѣ дороги! Его, знать, выдумали боги. А? не такъ ли Иванъ Петровичъ? »

По усиленной просьбѣ Засѣдателя, Иванъ Петровичъ выпилъ стаканъ пуншу; засѣдатель пилъ безъ мѣры, приговаривая: « славная вещь! » кричалъ пѣсни, съ бранью заставлялъ пѣть казаковъ, величался передъ Тайшею: « пей Бурлятъ! дичальника не хочешь послушаться! »

Пьяное буйство, пѣсни, крикъ, брань, продолжались за полночь; наконецъ За-